

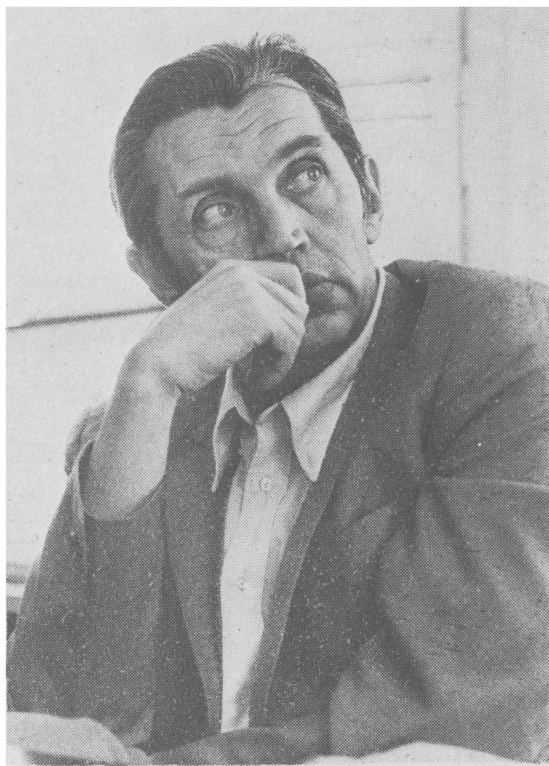
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 8 1991

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Б Е С С О Н Н И Ц А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

Издается с января 1925 года

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

БЕССОННИЦА

СТИХИ

Москва. 1991

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Роберт Иванович Рождественский родился в 1932 году на Алтае в семье военнослужащего. Учился в Петрозаводском университете. В 1956 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Печататься начал в 1950 году. В 1955 году в Петрозаводске вышла первая книга поэта «Флаги весны».

Роберт Рождественский — автор более семидесяти стихотворных сборников, выходивших на русском языке, на языках народов СССР и за рубежом. Занимается публицистикой, пишет песни.

БЕССОННИЦА

Мы —
боящиеся озонной дыры,
СПИДа и кооператоров,
нашпигованные с детства лекарствами,
слухами и нитратами,
молящиеся, матерящиеся,
стареющие и растущие,
следователи и подследственные,
работающие и бастующие,
спорящие, с чего начинать:
с фундамента или с кровли,
жаждущие
немедленной демократии
или крови,
мы —
 типовые, типичные,
кажущиеся нетипичными,
поумневшие вдруг на «консенсусы»,
«конверсии»
и «импичменты»,
жаждущие указаний,
что делать надо, а что не надо,
обожающие:
кто — музыку Шнитке,
кто — перетягиванье каната,
говорящие на трех языках
и не знающие своего,
готовые примкнуть к пятерым,
если пятеро — на одного,
мы —
на страже, в долгу и в долгах,
на взлете и на больничном,
хвастающие куском колбасы
или теликом заграничным,

по привычке докладывающие наверх
 о досрочном весеннем севе,
 отъезжающие:
 кто за свободой на Запад,
 кто за деньгами на Север,
 мы —
 обитающие в общежитиях,
 хоромах, подвалах, квартирах,
 требующие вместо «Хлеба и зрелищ!» — «Хлеба и презервативов!»
 объединенные, разъединенные,
 -фобы, -маны и -филы,
 предпочитающие бег трусцой
 и детективные фильмы,
 мы —
 замкнувшиеся на себе,
 познавшие Эрмитаж и Бутырки,
 сдающие карты или экзамены,
 вахты или пустые бутылки,
 задыхающиеся от смога,
 от счастья и от обид,
 делающие открытия,
 подлости,
 важный вид,
 мы —
 озирающие со страхом воспаленные веши и грады,
 мечтающие о светлом грядущем
 и о том, чтоб дожить до зарплат,
 мы —
 идейные и безыдейные,
 вперед и назад глядящие,
 непрерывно ищущие врагов
 и все время их находящие,
 пышущие здоровьем,
 никотинную слизью харкающие,
 надежные и растерянные,
 подбирающиеся и хапающие,
 мы —
 одетые в шубы и ватники,
 купальники и бронежилеты,
 любители флоксов и домино,
 березовых веников и оперетты,
 шагающие на службу с утра
 по переулку морозному,

ругающие радикулит и ГОСПЛАН,
 верящие Кашпировскому,
оружие на своих детей,
 по магазинам рыскающие,
стиснутые в вагонах метро,
 слушающие и не слышащие,
мы —
равняющиеся на красное,
 черное
 или белое знамя,
спрашиваем у самих себя:
что же будет
со всеми нами?

* * *

Помогите мне, стихи!
Так случилось почему-то:
на душе
темно и смутно.
Помогите мне,
стихи.
Слышать больно,
думать больно.
В этот день и в этот час
я —
не верующий в Бога —
помощи прошу
у вас.
Помогите мне,
стихи,
в это самое мгновенье,
выдержать,
не впасть в неверье.
Помогите мне,
стихи.
Вы не уходите прочь,
помогите, заклинаю!
Чем?
А я и сам не знаю,
чем вы можете
помочь.
Разделите эту боль,
научите с ней расстаться.

Помогите мне
остаться

до конца
самим собой.

Выплыть,
встать на берегу,
снова

голос
обретая.

Помогите...

И тогда я
сам
кому-то помогу.

ФОТОГРАФИЯ ПОЭТА

Мгновение
остановлено нечетко.

Видны глаза
и больше ничего...

Круги забвенья
и круги почета
не слишком-то влияли на него.

Он, выступая,
тряс седую прядкой,
насмешек над собой не замечал.
Был одиноким,
как прыгун над планкой.
И в дружеских компаниях
скучал.

Лишь перед смертью
показал характер.

В свои болезни уходить не стал
и время,
то, что он когда-то тратил,
в конце концов
почти что наверстал.
Спешил он так безудержно и горько,
такой живою

стала вдруг строка!..

Жаль,
не хватило малости какой-то.
Минут каких-то.
Мига.
Пустяка.

ЮНОША НА ПЛОЩАДИ

Он стоит перед Кремлем.
А потом,
вздыхнув глубоко,
шепчет он Отцу и Богу:
«Прикажи...
И мы умрем!..»
Бдительный,
полуголодный,
молодой,
знакомый мне,—
он живет в стране свободной,
самой радостной
стране!
Любит детство вспоминать.
Каждый день ему —
награда.
Знает то, что надо знать.
Ровно столько,
сколько надо.
С ходу
он вступает в спор,
как-то сразу сатанея.
Даже
собственным сомненьям
он готов
давать отпор.
Жить он хочет не напрасно,
он поклялся
жить в борьбе.
Все ему предельно ясно
в этом мире
и в себе.
Проклял он
врагов народа.

Наша с вами.
Та,
какая есть.
Ничего из правды не отринем,
ощутив
ее целебный вкус...

Краткий курс Истории
был длинным.
Шибко долгим был он —
Краткий курс.

ПОЗАПРОШЛАЯ ПЕСНЯ

Старенькие ходики.
Молодые ноченьки...
Полстраны —
угодники.
Полстраны —
доносчики.
На полях — проталинки,
дышит
воля вольная...
Полстраны —
этапники.
Полстраны —
конвойные.
Лаковые туфельки.
Бабушкины пряники...
Полстраны —
преступники.
Полстраны —
охранники.
Лейтенант в окно глядит.
Пьет — не остановится...
Полстраны
уже сидит.
Полстраны
готовится.

ФАКТ

Утешенья слабые звучат,
и закат последний догорает...
В окруженье
 праведных внучат
палачи и жертвы
умирают.

И, конечно, верят
 те и эти,
у порога
главной темноты,
что недаром
 прожили на свете.
И пред совестью своей
чисты.

* * *

Славно карты выпали!
Действовать пора...
Выборы,
 выборы —
взрослая игра...
Долг давайте выполним, —
это так легко...
(Говорят,
 что к выборам
выбросят пивко...)
Выборы,
 выборы.
Урна в уголке.
(В бюллетене выданном
три кота в мешке...)
Жизнь проходит празднично,
нервно и смешно...
Ах, как это правильно,
что нам
 не дано
выбирать родителей, —
Бог подаст.
И руководителей
чужих
государств.

* * *

Надо время осознать,
с очевидностью не спорить.
То, что знал, —
 переузнать.
То, что помнил, —
 перевспомнить.
Что любил, перелюбить,
как велела дисциплина.
И себя
 перелепить...
Будто я из пластилина.

* * *

Гул веков — страна,
боль времен — страна.
На земле людей
 ты и впрямь одна.

Не возьмешь — страна,
не проймешь — страна.
Через день сыта,
 через год голодна.

Пей — пляши — страна!
Бей — круши — страна!
Коль снаружи мир,
 так внутри война.

Перекур — страна,
перегиб — страна.
Больше, чем другим,
 ты себе должна.

* * *

Старца,
 которому саблю вручили,
разоблачили.
Трех торговцев,
 что с клубникой ловчили,
разоблачили.

ДОВОЕННАЯ КИНОХРОНИКА

Время идет,
а киношник снимает...
Ветер
знамена к небу вздымает!
Ах, как мы любим смотреры-парады!
Как вдохновляют нас транспаранты!
Марши
заполнили Европу.
Молотов
руку жмет Риббентропу...
Ах, как ревут стадионные действия!
Ах, как клянется счастливое детство!
Как замечательна жизнь,
где громадные
залы, скульптуры,
каналы,
романы!...

Время идет,
а киношник снимает.
Два генерала парад принимают.
Два генерала,—
наш и немецкий.
Скоро настанет мир повсеместный.
Ах, как похоже
плещутся флаги!..

(Их Бухенвальды..
Наши ГУЛАГи...)

ПОЗАВЧЕРА

Е. Евтушенко

Пятидесятый.
Карелия.
Бригада разнорабочих.

Безликое озеро.

Берег,

где только камни растут.

Брезент, от ветра натянутый,

вздрагивает и лопочет.

Люди сидят на корточках.

Молча обеда ждут.

Сидят они неподвижно.

Когда-то кем-то рожденные.

Ничейные

на ничейной,

еще не открытой земле.

Нечаянно не посаженные.

Условно освобожденные.

Сидят и смотрят, как крутится

крупя

в чугунном котле.

* * *

Д. С. Лихачеву

Раскачивается вагон.

Длинный тоннель метро.

Читающий пассажир выклеивает по слову...

Мы пишем на злобу дня

и — на его добро.

Но больше, правда, — на злобу,

на злобу,

на злобу...

Живем, озираясь вокруг.

Живем, друзей хороня.

Едем, не зная судьбы,

и страшно проехать мимо.

Длинный тоннель метро.

Привычная злоба дня...

Ненависть проще любви.

Ненависть объяснима.

ПРОФЕССИЯ

Старший следователь Крошин
никогда

вина не пил.
Человеком был хорошим
и прекрасным мужем
был...

(Прежде занимался спортом,
нынче интерес пропал).

Приходил домой с работы,
ел

и сразу засыпал.

Спал он странно,

спал он тяжело,

плоско —

на прямой спине.

И храпел, как зверь.

И часто
кулаки сжимал во сне.

И скрипел зубами жутко

(оглушительно скрипел!)

И кричал:

«Признайся, сука!

Сволочь!!»

И опять храпел...

А жена,

на кухне сидя,

полушалак теребя,

все вздыхала:

«Бедный Митя...

Не жалеет он себя...»

* * *

А нам откапывать живых,

по стуку сердца находя,

из-под гранитно-вековых

обломков

статуи Вождя.

Из-под обрушившихся фраз,

не означавших

ничего.

И слышать:

— Не спасайте нас!

Умрем мы

с именем Его!..

Откапывать из-под вранья.

И плакать.

И кричать во тьму:

— Дай руку!..

— Вам

не верю я!

А верю

одному Ему!..

— Вот факты!

— Я плюю

на них

от имени

всего полка!!!

А нам

откапывать живых.

Еще живых.

Живых пока.

А нам

детей недармовых

своею болью

убеждать.

И вновь

откапывать живых.

Чтобы самим

живыми

стать.

ЛЮБАЯ ЦЕНА

Государственный голос

всходил над страной:

«Это выполнить надо!

Любою ценой!..»

Ах, любая цена,

дорогая цена,

ты была нам с рождения

присуждена...

Тот же голос
 всходил над протяжной войной:
 «Нужно взять этот город!
 Любую ценой...»
 Нашей кровью
 отхаркивалась война.
 Мы по смертному счету
 платили сполна.
 Улыбался с портретов
 отец наш родной...
 Все привыкли мы делать
 любую ценой.
 И нельзя было цену
 хоть чуть сократить —
 не имели мы права
 дешевле
 платить!
 И в цене этой самой
 смешались не зря
 все салюты победные,
 все лагеря,
 гордый профиль вождя
 над ревущей рекой
 и расстрелянных маршалов
 вечный покой...
 Перемешаны
 в этой безмерной цене
 и Гагарин,
 и засуха на целине.
 Юбилейный восторг
 раскаленных ладош,
 пашни,
 ставшие пылью,
 и орденский
 дождь...
 Ах, любая цена,
 золотая цена!
 Выручалочка наша
 во все времена.
 Мы богаты.
 У каждого — бездна в душе.
 Так богаты, что страшно.
 И стыдно уже...
 Вряд ли станет счастливым
 даже рай неземной,
 если будет он создан
 любую
 ценой.

ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ С. Н. ФЕДОРОВУ

Святослав Николаевич,
Вы у нас — бог
во всем, что касается глаз.
Я прошу простить,
что дыханием строк
от больных
отрываю Вас...

Чтоб из сердца
исчезла, ушла маета,
растолкуйте,
глазной чародей,
отчего это
массовая слепота
настигает

зрячих людей?
И хотя болезнью ее не зовут,
получается
странный круг:
люди слепнут

вдруг.
И слепыми живут.
А потом прозревают.
Вдруг.

Если это закон,
то он глуп и нелеп!..

Я под ним
свой хлеб добывал.
И три раза

вместе со всеми слеп.
И три раза
вновь прозревал...

Три эпохи.
Три гордости.

Три стыда.

Боли три.
И радости три.
Это все перемешано в нас

навсегда —

Фонтанчик у стены незрячей,
плющ,
протянувшийся к балкону,
(все было так,
и — чуть иначе,
необъяснимо по-другому!)...
Я этих улочек не знаю.
Я никогда здесь не был раньше.
Но вот хожу
и вспоминаю.
И странно так,
что даже страшно.

* * *

Фонаря пресветлый конус.
Пыльных мошек
мельтешня...
Со скамейки
слышен голос:
«Ах, отстань ты от меня!..»
Может быть, вмешаться надо?
(Все бывает в час ночной..).

А весна-то!
А весна-то!
И над этою весной
голос —
тоненько и зыбко,
объявляя и дразня,
и счастливо,
и призывно:
«Ах,
отстань ты
от меня!..»

* * *

Филологов не понимает физтех, —
молчит в темноте.
Эти
не понимают тех,
а этих —
те.

Не понимает дочки своей
нервная мать.
Не знает,
как и ответить ей

и что
понимать.

Отец считает,
что сыну к лицу
вовсе не то.

А сын
не может сказать отцу:
«Выкинь пальто...»
Не понимает внуков своих
заслуженный дед...

Для разговора
глухонемых
нужен
свет.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Не хотели,
не ждали таких двужильных.
Прорастают фамилии в имена.
Они,
оглушенные криком «Держи их!!!»,
не понимают,
в чем их вина.
А вина их большая,
вина изначальная
в том, что бездарям было спокойней без них.
Их ругают,
цитируя, а не печатая.
Четвертуют
до выхода первых книг...
Но они продираются,
пробиваются
сквозь улюлюканье,
злобу
и смех.
И — начинаются.
И — сбываются.

Не все, конечно.
И не для всех.
Заняты делом они. А в особенности
устройством не быта,
а бытия...
И гордятся
единственной личной собственностью —
упрямым
местоимением
Я.

* * *

Вдруг на бегу остановиться.
Так,
будто пропасть на пути.
«Меня не будет...» —
удивиться.
И по слогам произнести:
«Меня
не будет...»

Мне б хотелось
не огорчать
родных людей.
Но я уйду.
Исчезну.
Денюсь.
Меня не будет...

Будет день,
настоянный на птичьих криках.
И в окна,
как весны глоток,
весь
в золотых, сквозных пылинках,
ворвется
солнечный
поток!..

Просыплются дожди в траву
и новую траву
разбудят.
Ау! — услышится.—
Ау-у!..

Не отзовусь.
Меня не будет.

ВЫДОХ

Жизнь окончится выдохом.
Будет в нем
все, что прежде ты оставлял на потом.
Все, что ты не сделал в отмеренный срок.
Все, что ты не успел.
И чего не смог..
Жизнь окончится выдохом.
Дальше — мгла..
Там —
почти за гранью добра и зла —
пусть настигнет меня
в мой последний миг
чей-то первый
вдох.
Чей-то первый
крик.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Вот — довоенное фото:
ребенок со скрипкой.
Из вундеркиндов,
которыми школа гордится.
Вырастет этот мальчик.
Погибнет под Ригой.
И не узнает,
что сын у него родился.

Вот — фотография сына.
В Алуште с женою.
Оба смеются чему-то.
И оба прекрасны..

Мы стоять поднаторели,
знаем это
не из книг.
Мы в очередях взрослели
и теперь стареем
в них.

Очереди —
наш приют.
По привычке многолетней
спрашиваем: «Кто последний?..»
А потом уж:
«Что дадут?..»
Очередь —

она бессмертна.
Все мы в ней почти родня.
Это нам
вторая смена
после трудового дня.

Наш обычай. Наше иго.
Всепогодный знак нужды.
Демонстрация
во имя
доставания еды.
Рюкзаки,
портфели,

В очереди все равны.
Одинаково умны.
Одинаково безумны.
Вместе все мы здесь.
И — врозь...

Наша очередь живая
дышит,
 землю обвивая,
изгибаясь, как вопрос.
Это

Богом нам дано?
Или тем, кто Бога выше?!

Я не видел лиц
давно.
Я одни затылки
вижу.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ МИРОНОВА

Не хочу я об этом писать; не хочу.

Не умею я

к мертвым друзьям

привыкать!

Словно в черную дверь

кулаками стучу.

Словно собственный крик

не могу отыскать...

Ах, каким был живым он!

Каким молодым!

Как легко

снизошел он со сцены в молву.

Так ушел,

будто славы мерцающий дым

тихо обнял его

и унес

в синеву...

Ах, как он улыбался!

«Все надо уметь!..»

Ах, как он улыбался...

И ужас берет,

что на эту,—

такую неожиданную.—

смерть

продавались билеты

за месяц вперед...

Не про то я,

что сцена отныне пуста.

Не про то я сегодня,

совсем не про то!..

Но в театре и в жизни

зияют места.

Их уже не займет

никогда

и никто.

* * *

В этой медленной осени
 чисто,
 просторно,
 легко.

В ней
особенно слышным
 становится каждое слово.

Отдыхает земля.
И плывут облака высоко.
И вдоль улиц деревья
 подчеркнуто рыжеголовы.

В этой осени варят варенье
 и жарят грибы.

В ней
 с лесною опушкой прощаются,
 будто навечно.

Затеваются свадьбы.

Идет
 перестройка судьбы.

Из шкафов достаются
 забытые теплые вещи...

А туманы все чаще
 ползут с погрузневшей реки.

И на рынках
заманчиво высятся

 дынные горы.

И гордятся загаром
 недавние отпускники.

И убавился день.

И прибавилось
 мокрой погоды...

В этой осени
 есть еще множество
 горьких примет:

в ней,
как будто в театре абсурда
 на призрачной сцене,

до сих пор к перелету готовятся
стаи ракет,

этот город и улицы эти
 держат
 на прицеле.

* * *

Это осень.
Светлый сумрак небес.
И дорога
 через реденький лес.
И неслышная пустая река.
И почти прозрачный дым костерка.
Он струится.
Он летит к небесам...

Ах, как близко
 стали слезы к глазам!

ДЕТИ НАШИ

Жизнь
 то радует, то настораживает.
Но, вдыхая наш табачный чад,
дети
ни о чем у нас не спрашивают.
Только смотрят.
Смотрят и молчат.
Не проймешь их
 спорами и книгами.
Смотрят дети, начиная жить.
И молчат.

И никакими криками
их молчания
 не заглушить.

* * *

Борису Васильеву

За датую — дата,
Простой человеческий путь...
Все больше
 «когда-то».
Все меньше
 «когда-нибудь».

Погода внезапна,
но к людям, как прежде, добра.
Все крохотней

«завтра».

И все необъятней

«вчера».

Найти бы опору
для этой предзимней поры.
Как долго мы —

в гору.

За что же так быстро —
с горы?!

Остаток терпенья
колотится в левом боку...

Все реже:

«успею».

И все невозможней:

«смогу».

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Что ж,

собираться начнем помаленьку.

В город уедем от непогод...

Надо бы в море бросить монетку,

чтобы вернуться сюда

через год.

Здесь был спокойно и солнечно прожит
месяц,

где так далеко до зимы.

Здесь были счастливы мы,

(а быть может,

нам показалось,

что счастливы мы).

Надо вернуться опять в этот месяц...

В теплое море

падает

мелочь.

Круглые капельки серебра.

Капли надежды...

Едем.

Пора!..

...Где-нибудь
в тихой палате больничной
за пять минут до конца своего
вспомню я снова
этот обычай,
слабой рукой
ухвачусь за него.
И, завершая собственный опыт,
на промелькнувшее оглянусь.
Брошу монетку
в жизненный омут...

Может, вернусь?

СОДЕРЖАНИЕ

Бессонница	3
«Помогите мне, стихи!..»	5
Фотография поэта	6
Юноша на площади	7
Аббревиатуры	8
Краткий курс	8
Позапрошлая песня	9
Факт	10
«Славно карты выпали...»	10
«Надо время осознать...»	11
«Гул веков — страна...»	11
«Старца, которому саблю вручили...»	11
Вдогонку комете Галлея	12
Довоенная кинохроника	13
Позавчера	13
«Раскачивается вагон...»	14
Профессия	15
«А нам откапывать живых...»	15
Любая цена	16
Письмо профессору С. Н. Федорову	18
«Похожая неповторимость...»	19
«Фонаря пресветлый конус...»	20
«Филологов не понимает физтех...»	20
Молодые поэты	21
«Вдруг на бегу остановиться...»	22
Выдох	23
Семейный альбом	23
Привычка	24
«Небо в детстве...»	24
Памяти Андрея Миронова	26
«В этой медленной осени...»	27
«Это осень...»	28
Дети наши	28
«За датой — дата...»	28
Прощание с морем	29

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт Иванович

БЕССОННИЦА

Стихи

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 6.12.90. Подписано к печати 14.01.91. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отг. 1,58. Уч.-изд. л. 1,58. Тираж 97000 экз. Зак. № 3124. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**ЧИТАЙТЕ СЛЕДУЮЩИЕ КНИЖКИ,
ВЫШЕДШИЕ В ЭТОМ ГОДУ
В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ «Горсовет по-американски»,
С. ЛИПКИН «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА «Театр на Таганке: 68-ой и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ «Сверстнику».